

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

К. Д. Титаев

Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда¹

ТИТАЕВ Кирилл Дмитриевич — магистр социологии, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. За.

Email: ktitayev@eu.spb.ru

В тексте на основании выборки из 10 тыс. судебных решений и цикла экспертных интервью анализируется вероятность избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, а также влияние этой меры на последующие решения суда. Основанием для исследования стала простая случайная выборка из решений, опубликованных районными судами в 2011 г. Главными вопросами, которые ставятся в мировой литературе по поводу предварительного заключения, являются такие: роль явно экстралегальных факторов (пол, раса) и частично экстралегальных (доход, образование) в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; влияние, которое сам факт пребывания под стражей до суда оказывает на последующие судебные решения (возможность прекращения дела, вид и длительность назначенного наказания). При помощи регрессионного анализа в данной статье показывается, что предварительное заключение в России чаще всего назначается безработным, ранее судимым подозреваемым. Факт предварительного заключения сильно влияет на вероятность прекращения дела: если подсудимый был под стражей, то такая вероятность значительно снижается. Также пребывание в следственном изоляторе (СИЗО) сильно влияет на назначение наказания в виде реального лишения свободы (а не других видов наказания; например, штрафа или условного лишения свободы). При этом линейное влияние на длительность лишения свободы, к которому осуждён подозреваемый, не установлено. Анализ проводится отдельно для трёх массовых преступлений, принадлежащих к разным криминологическим категориям: кража; нанесение тяжкого вреда здоровью; хранение наркотиков без цели сбыта. Результаты исследований российской судебной системы соотносятся с практикой судов США.

¹ Эта статья не была бы написана без помощи и поддержки всех сотрудников Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Особенно автор благодарен Вадиму Волкову, Дмитрию Скугаревскому, Элле Панеях и Арине Дмитриевой, которые читали и комментировали разные версии этой статьи. Также работе помогли коллеги, участвовавшие в таких конференциях, как ежегодная встреча ассоциации «Право и общество» в 2013 г. в Бостоне и «Изменения российского права: легальность и современные вызовы» в том же году в Хельсинкском университете, которые дали много интересных и полезных комментариев к предварительным версиям этой статьи.

Отдельная признательность Фонду Кэтрин и Дж. Макартуров, который профинансировал эмпирическую часть исследования. Кроме того, эта работа никогда не появилась бы, если бы не рутинный и тяжёлый труд многих и многих кодировщиков и Алёны Поздняковой, великолепно организовавшей их работу.

Ключевые слова: социология права; исследования назначения наказания; эмпирическое правоведение; предварительное заключение; меры пресечения; уголовное право.

Введение

Судя по мнению, которое высказывают в интервью российские юристы, одним из ключевых факторов, влияющих на итоговый приговор суда по уголовному делу, является факт нахождения подсудимого под стражей² (в СИЗО) до суда. В мировой научной литературе этот фактор также рассматривается как один из важнейших (см., например: [Williams 2003]). При этом формально факт нахождения под стражей в российской системе постановления приговора и назначения наказания не играет никакой роли. Российские судьи, согласно Уголовному кодексу [УК 1996: ст. 60], могут принимать во внимание практически любые внеправовые характеристики подсудимого и преступления. С опорой на статистические данные о решениях судов в этой статье будет показано, что факт предварительного заключения на самом деле играет значимую роль в российской системе уголовного правосудия.

Понятно, что нахождение под стражей до суда может оказывать негативное влияние на то впечатление, которое производит подозреваемый на судей и присяжных³. Однако, кроме самого факта, что предварительное заключение подозреваемого влияет на исход дела, вопрос об этом влиянии является одним из ключевых для понимания функционирования экстралегальных уклонов в российских судах вообще. Исследование неравенства в сфере уголовной юстиции (*sentencing disparity*) — одно из важнейших направлений эмпирико-правовых⁴ исследований в мире (особенно в англо-американской традиции). В отечественной науке это направление пока представлено крайне слабо, при том, что именно в России, благодаря унифицированным системам статистического учёта, единому правовому пространству и большому количеству открытых данных, оно имеет очень большие возможности для развития.

Это направление ведёт свою историю от исследования «Чёрный преступник. Статистическая заметка» [Sellin 1928] и связано с выявлением специфики наказания (вероятность оправдания, вид наказания и его длительность) для групп, различающихся по расовым, социальным и прочим признакам⁵. Таким образом, в предлагаемой читателю работе функционирование предварительного заключения рассматривается как один из экстралегальных факторов, влияющих на исход разбирательства, другими словами — как часть общей системы «уклонов» (*biases*) в российских судах.

Конечно же тяжесть совершённого преступления оказывает решающее влияние на тип и размер наказания в любом суде. Однако наряду с ней, на осуждение и (или) оправдание, вид и размер наказания влияют многие другие факторы, часто лежащие за пределами права. Наиболее изученным является влияние расового и социального статусов подозреваемого (например, занятости; см.: [Spohn 2008]).

С использованием специально собранной базы данных в этой статье описаны роль предварительного заключения (присутствует в 20% случаев) в вынесении приговора и назначении наказания и факторы, влияющие на сам факт заключения подозреваемого под стражу. Будут использованы регрессионные

² В этой работе юридическая лексика не всегда используется в соответствии с нормативными формулировками. Так, например, мера пресечения в строгой формулировке называется «заключение под стражу»; здесь же в тех случаях, когда это не влияет на смысл текста, для удобства читателя используются синонимы «содержание под стражей», «предварительное заключение», «пребывание в СИЗО» и т. д.

³ В России судьи присяжных очень редки (о причинах см.: [Масловская 2009]), но в англо-американской практике, на исследования которой во многом опирается эта статья, их роль весьма велика.

⁴ Обзоры и отдельные работы, характеризующие традицию эмпирических исследований права, по-русски можно найти в сб.: [Волков 2011; Волков 2012a].

⁵ Детальный обзор этого направления как такового невозможен в рамках данной статьи, однако желающие могут обратиться к обзорным текстам; см.: [Chiricos, Crawford 1995].

модели со стандартными контрольными переменными (такими, как гендер, тяжесть преступления, избрание особого порядка судебного разбирательства и др.).

В статье, таким образом, рассматриваются два ключевых вопроса: (1) какие факторы и с какой силой влияют на вероятность предварительного заключения для подозреваемого и (2) влияет ли факт предварительного заключения на исход дела в суде? При этом на второй вопрос отдельные ответы будут даны для трёх стадий уголовного судопроизводства, то есть для вероятности прекращения дела, вероятности осуждения к реальному лишению свободы и длительности реального лишения свободы. Стадия оправдания и (или) осуждения, которая обычно рассматривается в мировой научной литературе, на российском материале проанализирована быть не может, так как число оправдательных приговоров слишком мало (не более 0,3% для дел публичного и частно-публичного обвинения⁶) и, соответственно, не может быть проанализировано с использованием стандартных моделей. Решения, которые принимаются российскими судьями на этих стадиях, являются ключевыми в их логике. Именно эти решения держат в голове все участники уголовного судопроизводства⁷.

Применительно к данной работе сложно говорить о гипотезах в классическом смысле социологического исследования. Случаи, подобные представляемым, очень характерны для эмпирической социологии права, особенно для изучения судебных решений или иных документов. Мы не можем изначально заявить, что наша цель — проверить, как А влияет на Б, и только. Скорее, мы вынуждены собирать всю доступную информацию (все доступные переменные) и далее пробовать построить комплексную модель, опираясь на то знание об объекте, которое есть у нас на основании качественных данных. Однако риторически и аналитически нам необходимо выделять некоторый ключевой признак, который и ставится во главу угла (как предварительное заключение в данном случае). С технической стороны это именно попытка реконструировать единую логику принятия решений в судебной (в данном случае) системе.

При этом мы изначально полагаем, что решения судей определяются как правовыми характеристиками кейса и подсудимого (тяжесть преступления, смягчающие и отягчающие обстоятельства, прошлые судимости), так и не вполне легальными чертами (например, пол, наличие детей и т. д.). Соответственно можно построить несколько условных моделей принятия решения, которые включают как правовые, так и внеправовые характеристики и показывают роль каждого отдельного фактора. При этом понятно, что такие модели будут различными, но взаимосвязанными для ряда последовательных решений, которые принимаются судьёй.

Поскольку в России исследования правоприменения появились недавно, имеет смысл определить их дисциплинарную принадлежность. В англо-американской традиции сложились такие направления, как «право и общество», «эмпирические правовые исследования» и т. п., которые лежат на стыке криминологии, юриспруденции, социологии и политических наук. Все они объединены одной чертой — они черпают теоретическое вдохновение за пределами смыслового поля юридических наук. Логика юридической науки — деонтологическая, рассматривающая системы долженствований и принципиально не чувствительная к эмпирическому аргументу, — чужда этим исследовательским направлениям. Благодаря в числе прочего этим теоретическим парадигмам и американской традиции правового реализма американская юриспруденция стала куда менее «юридической». В России же даже криминология является, скорее, отраслью юридического знания, работающей больше с нормой, чем с фактом, поэтому в российских реалиях такие эмпирические проекты, скорее, относятся к области социальных или политических наук.

⁶ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма 1 ведомственного статистического наблюдения, раздел 1). О причинах этого см.: [Панеях 2011; Трошев 2012; Волков et al. 2010].

⁷ Социологическое описание этого процесса см.: [Панеях, Титаев, Шклярчук 2014]; краткое описание российской системы уголовного судопроизводства будет дано ниже.

Эмпирической основой нашей работы стала простая случайная выборка из 10 тыс. приговоров по уголовным делам, рассмотренных районными судами в 2010–2011 гг. (из трёх уровней судебной системы, на которых уголовные дела рассматриваются в первой инстанции (мировые судьи, районные суды и суды субъектов федерации), именно районные рассматривают большую часть дел). Эти 10 тыс. решений были закодированы по 51 содержательной переменной. После июля 2011 г. российские суды обязаны размещать на сайтах полные тексты принятых решений [ФЗ-262 2008]. По оценкам на момент исследования, на сайтах размещались около 70% всех принятых решений. Кроме того, объяснительная часть данной статьи опирается на интервью с судьями, следователями, адвокатами, прокурорами и другими участниками уголовного судопроизводства. Эти данные нужны для того, чтобы попытаться объяснить общий механизм принятия решений в российской уголовной юстиции.

Обзор литературы и основные исследовательские вопросы

Первые статистические исследования проблем предварительного заключения появились в США в конце 1970-х гг.⁸ С тех пор в этой исследовательской области рассматриваются преимущественно три исследовательских вопроса. Первый связан с легальными и экстралегальными предикторами предварительного заключения (см., например: [Freiburger, Hilinski 2010]). Второй — с влиянием факта предварительного заключения на обвинительный или оправдательный вердикт, выбор вида наказания и определение его продолжительности (см. обзор более ранних работ в: [Sacks, Ackerman 2014]). Оба вопроса часто рассматриваются вместе в одной статье, как это сделано в классической работе Кассии Спон [Spohn 2008]. Мы поступим так же: вопросы о том, что влияет на предварительное заключение в России и на что оказывает влияние сам факт предварительного заключения, будут рассмотрены последовательно. Третья группа вопросов, которая разбирается в социальных исследованиях предварительного заключения, связана с проблемой влияния пребывания под стражей до суда на поведение после исполнения наказания. Эта группа вопросов особенно актуальна для исследований поведения несовершеннолетних или молодых осуждённых (см., например: [Frazier, Bishop 1987]). Эту группу вопросов мы оставим в стороне. Кроме того, нередко предварительное заключение рассматривается как один из многих факторов в исследованиях, цель которых выстроить модель вынесения приговора в целом⁹.

Все основные статистические исследования в этой сфере опираются либо на данные федеральных судов США (см.: [Spohn 2008]), либо на выборки, сделанные в нескольких судах графства в одном или нескольких штатах (см.: [Sacks, Ackerman 2014]). Нам удалось найти только одну статью, в которой этот вопрос рассматривается на неамериканском материале, она посвящена Израилю [Gazal-Aya, Sulitzeanu-Kenan 2010]. Что касается остальных стран, то по ним существуют лишь небольшие обзоры, описывающие общую роль предварительного заключения в правовой и правоприменительной ситуации той или иной страны (см.: [Hafetz 2002]). Отсутствие таких исследований особенно интересно с учётом того, что система предварительного заключения работает примерно одинаково в разных правовых системах и странах [Domingo, Denney 2013]. В отличие от множества иных правовых феноменов (например, от самого понятия «преступление», которое отграничивается от административного правонарушения по-разному в разных странах), логика назначения предварительного заключения и его функции и даже его возможная связь с последующим наказанием являются схожими в разных странах, поэтому, хотя масштабы использования института предварительного заключения и длительность этого заключения очень сильно меняются от страны к стране [Foglesong, Stone 2011; Schönleich 2013], мы считаем возможным анализировать российскую ситуацию с опорой на теоретические модели, созданные применительно к англо-американским правовым системам.

⁸ См. обзор ранних исследований: [Goldkamp 1983].

⁹ Развёрнутый анализ ранних исследований можно найти в работе [Chiricos, Bales 1991], краткое резюме современных исследований см. в: — [Ulmer 2012].

Ниже мы рассмотрим несколько ключевых дискуссий, которые разворачиваются в литературе о предварительном заключении. Во-первых, они касаются вопроса о том, какие факторы повышают или снижают вероятность предварительного заключения. Во-вторых, о том, какие факторы влияют на вероятность предварительного заключения сильнее — легальные или экстралегальные (в том числе идёт большая дискуссия о разграничении легального и экстралегального). В-третьих, обсуждаются социальные механизмы, которые определяют решение в пользу предварительного заключения, и механизмы влияния факта пребывания под стражей до суда на приговор. В рамках этого третьего направления есть две отдельные большие темы: роль возраста, гендера и расы; роль формальных правил назначения наказания (*sentencing guidelines*), которые были введены в США в начале 1980-х гг.¹⁰. И, в-четвёртых, ведётся дискуссия о непрямом влиянии расового и социального статусов на наказание через изменение досудебного положения подсудимого.

Что же влияет на вероятность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу? Этот вопрос распадается на несколько частей. С одной стороны, это сами предикторы: обычно исследователи фиксируют эффект расы, этничности, гендера, возраста, образования и занятости [Freiburger, Hilinski 2010; Reitler, Sullivan, Frank 2013; Spohn 2013]. Некоторые авторы смотрят также на совместное влияние (интеракцию) расы, гендера, возраста и т. п. как на отдельные переменные [Freiburger, Hilinski 2010]. При этом иногда влияние оказывается различным для разных социальных групп [Reitler, Sullivan, Frank 2013] или для разных преступлений [Holmes, Daudistel, Farrell 1987].

С другой стороны, кроме выделения самих предикторов, существует вопрос о том, как интерпретировать их влияние. Обычно они рассматриваются как типичные неправовые (экстралегальные) факторы, такие как воспроизводство обычного гендерного неравенства в судах, дискриминация меньшинств и т. п. Однако в 2013 г. А. Райтлер, К. Салливан и Дж. Франк переинтерпретировали их как прокси-переменные для таких легальных факторов, как образование, связи с сообществом, семьёй и т. п. [Reitler, Sullivan, Frank 2013]. По закону, в США судья обязан учитывать все эти характеристики, принимая решение о заключении под стражу.

Первым вопросом, рассматриваемым в этой статье, будет следующий: какие факторы влияют на вероятность предварительного заключения в России? Дискуссия о правовых и неправовых факторах формально нерелевантна для России, поскольку Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) устанавливает, что при избрании меры пресечения «должны учитываться... тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства» [УПК 2001: ст. 99]. Таким образом, любой экстралегальный фактор может быть отнесён к категории «другие обстоятельства» и учтён судьёй на вполне легальном основании. Это, однако, не умаляет значения построения формальной статистической модели избрания меры пресечения в России.

Второй вопрос данного исследования — это влияние факта предварительного заключения на исход дела в суде. Обычно последовательно рассматриваются влияние пребывания под стражей на решение о виновности (осуждён или оправдан) (см.: [Williams 2003]) или о прекращении дела в суде (см.: [Wheeler, Wheeler 1980]), решение о виде наказания (обычно как вероятность осуждения к реальному лишению свободы [Spohn 2013]) и о влиянии на размер наказания [Spohn 2013]. Во всех исследованиях демонстрируется, что факт предварительного заключения играет очень большую роль в выборе вида наказания. Влияние на вероятность оправдания или прекращения дела не столь значимо [Williams 2003]. Что же касается влияния на размер наказания, то здесь разные исследования показывают разные результаты.

¹⁰ Эту последнюю тему мы не будем здесь рассматривать, поскольку она абсолютно неактуальна для анализа российской ситуации. Желающие могут обратиться к специальным исследованиям и обзорам; см., например: [Spohn 2013].

Марианн Уильямс систематизировала и описала механизмы влияния пребывания в СИЗО до суда на решение судьи о назначении наказания в виде реального лишения свободы [Williams 2003]. Она показала, что, во-первых, на решение судьи может влиять предыдущее решение, которое, как, возможно, кажется судье, характеризует поведение осуждённого. Во-вторых, предварительное заключение бывает производным от экономического уклона суда (против бедных) как напрямую, так и через то, что у бедного обвиняемого меньше шансов на получение квалифицированной юридической помощи, что одновременно повышает и вероятность предварительного заключения, и вероятность осуждения к реальному лишению свободы (см. также: [Wheeler, Wheeler 1980]). В-третьих, пребывание под стражей до суда может быть маркером отсутствия должных связей с семьёй и сообществом, которые снижают вероятность осуждения к реальному заключению. И, конечно, все эти механизмы способны работать вместе. В более поздних работах они объединяются понятием пересборки обстоятельств дела в суде (*reassembling case disposition in court*) [Sacks, Ackerman 2012].

Ещё один вопрос, рассматриваемый в статье, связан с непрямым влиянием предварительного заключения. Если мы пренебрежём идеями Райтлер и её соавторов о том, что экстралегальных факторов, по сути не бывает [Reitler, Sullivan, Frank 2013], то увидим, что экстралегальные факторы играют очень большую роль в принятии решения о предварительном заключении и меньшую в решении об осуждении к реальному лишению свободы¹¹. Можем ли мы говорить о непрямом влиянии? Кассия Спон в обзоре работ о системе предварительного заключения тему описывает весь процесс принятия решения о заключении под стражу как не прямое влияние экстралегальных факторов на принятие решения об осуждении к тюремному заключению [Spohn 2013].

Последний вопрос этого исследования касается того, как влияет предварительное заключение на последующие решения российского суда, а точнее — на решения о прекращении дела, о виде наказания и его длительности. Кроме того, в конце статьи мы вернёмся к дискуссии о непрямом влиянии предварительного заключения.

Российская система уголовной юстиции: краткая справка

Для читателя, не имеющего юридической подготовки, дадим краткое описание российской системы уголовного преследования. В частности, обратим внимание на формальное регулирование вопросов предварительного заключения и на отличия от англо-американской системы, которая выступает для автора статьи источником теоретических моделей.

Российская правовая система принадлежит к континентальной правовой семье, в которой, в отличие от англо-американской системы общего права, бóльшую роль играют кодексы и другие нормы, принимаемые законодательной или исполнительной властью (по предметам их ведения), нежели прецедентные судебные решения. Кроме того, в российском законодательстве и особенно в правоприменении очень сильно влияние советской правовой системы (см. подробнее: [Solomon 2002]). Важнейшей её особенностью было формальное неравенство государства и гражданина. В 1993 г. эти принципы были исключены из нормативной базы, однако остаточное их влияние очень сильно¹².

¹¹ Возможно, эту проблему удалось бы снять, используя модели Дж. Хекмана [Heckman 1979]. Применительно к проблеме назначения наказаний в России см.: [Skougarevskiy, Volkov 2014; Скугаревский 2014]. Однако к вопросам предварительного заключения эти методы пока не применялись.

¹² В качестве свежего политического примера можно привести разворачивающуюся дискуссию о том, должны ли суды и следователи устанавливать «объективную истину». В этой ситуации подсудимый оказывается формально неравен обвинителю, так как не имеет никаких прав; следователь же, хотя бы теоретически, может установить объективную истину по делу. Кроме того, в этой ситуации, по сути, сливаются задачи судьи и следователя.

Система уголовной юстиции состоит из нескольких элементов. Во-первых, это оперативные работники, которые должны обнаружить подозреваемого. Они не играют большой роли с формальной точки зрения. Все формальные операции производит следователь¹³, который и формирует уголовное дело — пакет письменных формализованных доказательств, после апробации прокурора попадающий в суд. Именно с опорой на этот пакет документов рассматривается дело в российском суде. Это позволяет говорить о следователе как о ключевой фигуре в российском уголовном процессе. Следователь же обращается в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Суды поддерживают около 90% таких ходатайств¹⁴, что имеет определённые институциональные причины [Трошев 2012].

Для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу российским законодательством установлены некоторые формальные условия. Подозреваемый должен намереваться скрыться или продолжить преступную деятельность либо намереваться влиять на свидетелей или жертву преступления. Кроме того, максимальное наказание по статье, по которой предъявлено обвинение, должно быть более трёх лет (более пяти — для несовершеннолетних обвиняемых). Однако обвиняемый может быть отправлен в СИЗО и по менее тяжким обвинениям, если у него нет места жительства в России (как правило, трактуемого как прописка) или его личность не установлена, или он уже скрывался от правосудия, или нарушил более мягкую меру пресечения, избранную в отношении него [УПК 2001: ст. 97, 108].

Подавляющее большинство (около 70%) уголовных дел в России рассматриваются районными судами — основной ступенью судов общей юрисдикции. Самые мелкие дела рассматриваются мировыми судами, самые тяжкие — судами субъектов федерации. С советских времён российские суды очень редко оправдывают обвиняемых (на уровне 0,3%)¹⁵, и это «исчезающее оправдание»¹⁶ жёстко связано с их организационной структурой и повседневной практикой [Панеях 2011; Трошев 2012].

Формально в российских судах судебская дискреция достаточно существенна. Дистанция между минимальным и максимальным наказанием очень велика (например, 6–15 лет за убийство), а формальных правил, которые понуждают судью снижать или увеличивать наказание с учётом конкретных обстоятельств, очень мало. В отличие от американской ситуации в России нет формальных правил назначения наказания, которые предписывали бы увеличение (или снижение) срока на определённую величину в зависимости от множества формальных показателей, таких как применение или неприменение огнестрельного оружия, совершение преступления в пьяном или трезвом виде и т. д. (впрочем, и в США они имеют рекомендательную силу). Российский судья должен сам учесть все обстоятельства и определить «вес» каждого.

Кроме того, российский уголовный закон отвергает принцип равного наказания за равное преступление. Уголовный кодекс понуждает судью учитывать личность обвиняемого и тем самым давать разным людям разные наказания за одинаковые преступления (как было показано раньше, тот же принцип прокламируется и применительно к предварительному заключению). Так, УК РФ требует, чтобы при назначении наказания судья учитывал «характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влия-

¹³ Велика также роль дознавателя (для отдельных категорий дел) и руководителя следственного органа, однако для данного исследования эти детали не играют большой роли; см. подробнее: [Волков В. et al. 2012: гл. 1, 3; Панеях, Титаев, Шклярук 2014].

¹⁴ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма 1 ведомственного статистического наблюдения, раздел 4).

¹⁵ Без учёта дел частного обвинения. Дела частного обвинения — это те, в которых потерпевший самостоятельно обращается в суд, а следствие, дознание и прокуратура не участвуют в доказывании по делу.

¹⁶ Термин П. Соломона; см.: [Соломон 2014].

ние назначенного наказания на исправление осуждённого и на условия жизни его семьи» [УК 1996: ч. 3, ст. 60]. При этом категория «личность виновного» в российском юридическом дискурсе крайне размыта. Она включает семейные и социальные связи, образование, место работы, должность и т. д. [Хун 2010]. Категория «личность виновного» не исключает из числа экстралегальных характеристик, поддающихся формализации, только расовый и этнический (но не диаспоральный) статус. При этом проблема расовой (но не этнической, которую, однако, всегда можно представить как диаспоральную) дискриминации не является первоочередной для российских судов.

Методология и данные

Для исследований, опирающихся на статистический инструментарий, логичнее использовать типовые, рутинные преступления, в отношении которых у судей и следователей существуют отработанные модели принятия решений. Преступления же, с которыми система сталкивается редко, будут расследоваться и разрешаться в суде гораздо менее предсказуемым путём. Кроме того, как показано в ранних исследованиях (см.: [Holmes, Daudistel, Farrell 1987]), для разных преступлений существуют разные механизмы влияния предварительного заключения. Для данного исследования были отобраны три типовых преступления, которые накрывают более 22% всей российской судимости¹⁷: причинение тяжкого вреда здоровью; кража; незаконное приобретение и хранение наркотиков. Эти три преступления принадлежат к трём принципиально разным (с точки зрения криминологии) видам преступности — насильственная, имущественная и преступность без жертв.

С июля 2010 г. российские суды обязаны публиковать все свои решения, принятые в открытом заседании, на своих сайтах [ФЗ-262 2008]. На момент сбора данных были опубликованы примерно 37%, однако никаких значимых смещений в публикации обнаружено не было [Поздняков 2011; Поздняков 2013, Результаты... 2013], то есть мы можем считать эти 37% репрезентативной выборкой из всех решений, принятых российскими районными судами. Однако в силу технологии анонимизации судебных решений, используемой российскими судами в соответствии с законом о защите персональных данных (обзор ситуации см.: [Поздняков 2013]), в текстах приговоров отсутствует важная для исследования часть информации (например, возраст или место жительства). Исследования, учитывающие эти параметры (но без возможности анализа роли предварительного заключения), проводятся на другой базе данных¹⁸.

В 2011 г. — первой половине 2012 г. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда Кэтрин и Дж. Макартуров собрал 10 тыс. приговоров, вынесенных районными судами в этот период¹⁹. Была использована двухступенчатая простая случайная выборка. На первом этапе случайным образом были отобраны 200 судов. На втором — в каждом суде были закодированы 50 решений, наиболее близких к случайно отобранной дате. Примерно в 20% судов не было обнаружено должного количества решений, и они были докомплектованы из резервной выборки судов. Понятно, что такая методика отбора повышает долю решений относительно мелких судов (размер районного суда в России варьируется: 1–60 судей) по сравнению с генеральной совокупностью. Однако, как было показано на несколько иных данных (см.: [Skougarevskiy, Volkov 2014]),

¹⁷ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма 1 ведомственного статистического наблюдения, раздел 1).

¹⁸ Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге ведётся анализ базы данных из 1 млн 600 тыс. судебных статистических карточек, в которых охарактеризованы подсудимые в России за 1,5 года. Однако таких параметров, как нахождение в предварительном заключении, явка с повинной и т. д., там нет. Первичные результаты представлены в работах: [Скугаревский 2014; Volkov 2014; Skougarevskiy, Volkov 2014;]. Проект находится в процессе реализации, и его основные результаты будут опубликованы позже.

¹⁹ Полностью дизайн проекта описан в работе: [Титаев 2011].

размер суда не оказывает значимого влияния на поведение судей, поэтому этим фактом можно пренебречь. Таким образом, мы можем говорить о том, что имеем дело с простой случайной выборкой из всех решений, принятых российскими судами в 2011 г. (выборка ограничивалась только решениями, вынесенными в 2011 г.). Общее качество данных, а также сравнение по таким показателям, как доля отдельных составов, доля женщин в числе судимых и т. д., с генеральной совокупностью (информация публикуется Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации) позволяют говорить о том, что мы имеем полностью репрезентативную выборку с известными ограничениями (не публикуются решения по сексуальным преступлениям и приговоры в отношении несовершеннолетних).

После отбора каждое решение кодировалось вручную (специально подготовленным вводчиком) более чем по 50 содержательным переменным. Автоматическое кодирование не представлялось возможным, поскольку российские суды используют разные термины для описания одного и того же факта и не используют единого шаблона оформления и опубликования документов. Переменные можно объединить в несколько групп: личные характеристики подсудимого (гендер, занятость, наличие несовершеннолетних детей, судимость и т. п.); характеристики преступления (статья УК, количество обвинений в деле и количество обвиняемых по делу); информация о поведении потерпевшего (примирение сторон, гражданский иск, рассмотренный в уголовном процессе); параметры процесса (особый порядок судебного разбирательства, гендер судьи, прокурора и адвоката); поведение подсудимого (признание вины, примирение сторон и т. п.). Все эти параметры описываются в решении суда по уголовному делу, которое кодировалось для создания описываемой базы данных. Описание кодировки и описательная статистика представлены в таблицах 1, 2 и 3. Некоторые из этих переменных общепонятны и не требуют специального объяснения (например, гендер), другие же (такие, как неславянская фамилия подсудимого) будут объяснены ниже. Далее эти же переменные используются как предикторы для оценки вероятности предварительного заключения или как «контроли» при оценке влияния предварительного заключения на исход дела, то есть в первой модели все описанные переменные (кроме характеристик приговора и факта предварительного заключения) рассматриваются нами как содержательные предикторы. В последующих моделях мы, собственно, тестируем связь между исходом судебного разбирательства (прекращение дела, осуждение к реальному лишению свободы, длительность заключения) и фактом предварительного заключения. Все остальные переменные интерпретируются как контрольные, позволяющие «снять» влияние прочих факторов на решение.

Как и в других подобных исследованиях (см.: [Williams 2003]) информация о факте предварительного заключения (на первом этапе), о прекращении дела, виде назначенного наказания и его длительности (на последующих этапах) анализируются как зависимые переменные. В России нет возможности использовать вероятность оправдания как зависимую переменную, поскольку доля оправданных в российских судах слишком мала.

«Неславянская фамилия» — это переменная, понимаемая в данном исследовании как прокси-показатель этничности. Российская криминальная статистика [Поздняков 2011; Шклярчук 2014] не фиксирует этничность, только гражданство. Однако же дискриминация по этническому признаку является одной из возможных гипотез. Переменная кодировалась на основании экспертной оценки вводчика.

Переменные «судимость» и «рецидив» возникают в связи со спецификой российского уголовного права. Рецидив в строго юридическом смысле — это наличие неснятой (непогашенной) судимости за умышленное преступление средней тяжести и выше, совершенное после совершеннолетия, по которому осуждённый направлялся в места лишения свободы [УК 1996: ст. 18]. При рецидиве наказание должно быть более суровым. Далеко не всякая судимость образует рецидив: в анализируемой выборке 41,4% судимых за кражу уже имели судимость, но лишь в 24,6% случаев эта судимость образовывала рецидив. Формально судимость последствий не имеет и может быть рассмотрена только как обстоятельство, характеризующее личность подсудимого.

Таблица 1

Описание и кодировка переменных

Переменные	Кодировка
Зависимые переменные:	
предварительное заключение	1 — подозреваемый был под стражей до суда; 0 — подозреваемый не был под стражей до суда
прекращение дела	1 — дело не было прекращено; 0 — дело прекращено
реальное лишение свободы	1 — приговор к реальному лишению свободы; 0 — приговор к иным мерам наказания
длительность реального лишения свободы	Годы
Личные характеристики:	
гендер	1 — мужчина; 0 — женщина
неславянская фамилия	1 — подозреваемый имеет неславянскую фамилию; 0 — прочее ¹⁷
безработность	1 — подозреваемый безработный; 0 — работающий
судимость	1 — подозреваемый судимый; 0 — подозреваемый несудимый
рецидив	1 — судимости образуют рецидив; 0 — судимости не образуют рецидив или их нет
дети	1 — имеются несовершеннолетние дети; 0 — отсутствуют несовершеннолетние дети
Характеристики преступления:	
количество обвиняемых по делу	Человек
количество обвинений по делу	Обвинений
Поведение обвиняемого и потерпевшего:	
примирение сторон	1 — в приговоре есть упоминание о примирении сторон; 0 — в приговоре нет упоминания о примирении сторон
признание вины	1 — обвиняемый признал себя виновным; 0 — обвиняемый не признал себя виновным
положительные характеристики	1 — в приговоре упоминаются положительные характеристики; 0 — в приговоре не упоминаются положительные характеристики
смягчающие обстоятельства	1 — в приговоре упоминаются важные смягчающие обстоятельства (п. п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ: явка с повинной и оказание помощи потерпевшему); 0 — в приговоре не упоминаются важные смягчающие обстоятельства

²⁰ В категорию «прочее» попадали как лица со славянской фамилией, так и лица с фамилиями, которые как неславянские вводчик определить затруднялся (например: Уходов).

Таблица 1. Окончание

Переменные	Кодировка
гражданский иск	1 — упоминается гражданский иск, рассматриваемый в уголовном процессе; 0 — не упоминается гражданский иск, рассматриваемый в уголовном процессе
Характеристики процесса:	
особый порядок	1 — дело рассматривается в особом порядке (аналог соглашения о признании вины); 0 — дело рассматривается в общем порядке
гендер судьи	1 — мужчина; 0 — женщина
гендер прокурора	1 — мужчина; 0 — женщина
гендер адвоката	1 — мужчина; 0 — женщина

Примирение сторон — это российский правовой институт, который позволяет для преступлений небольшой или средней тяжести декларировать примирение сторон, что даёт возможность воспользоваться одной из опций для прекращения дела в суде. Потерпевший в этом случае заявляет о примирении и, как правило, сообщает о той или иной компенсации со стороны подсудимого.

Положительные характеристики — это остаточный советский правовой институт, который состоит в предоставлении в суд документов с места работы, учёбы, жительства, от родственников и т. д. В характеристиках подсудимый описывается как общественно безопасный, вовлечённый в социальную жизнь, непьющий, способный исправиться без изоляции от общества и т. д. В данном исследовании эта переменная понимается как прокси-индикатор социальных связей. Условно наличие этих характеристик свидетельствует о существовании минимальных связей с каким-либо сообществом и о способности мотивировать адвоката (как правило, работающего по назначению) такие характеристики собрать и представить [Волков et al. 2012; Панях, Титаев, Шклярчук 2014].

Смягчающие обстоятельства: в нашей модели принимается во внимание только упоминание о тех смягчающих обстоятельствах, которые российским законодательством установлены как обязательные для учёта при назначении наказания, и это явка с повинной и оказание помощи потерпевшему непосредственно после преступления (п. п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Кроме того, их наличие говорит о том, что подсудимый имел относительно нормальные отношения со следователем, поскольку, как правило, именно следователь на практике фиксирует существование или отсутствие таких обстоятельств.

Присутствие гражданского иска, разрешаемого в ходе рассмотрения уголовного дела, — ещё один правовой институт, который позволяет рассматривать вопрос о компенсации ущерба, нанесённого преступлением, в ходе рассмотрения уголовного дела. В данном случае указывает на наличие (а) реального потерпевшего, (б) некоторого реального ущерба и (с) относительную активность потерпевшего.

Особый порядок судебного разбирательства — российский аналог сделки о признании вины. В России подсудимый полностью признаёт свою вину, после чего приговор выносится без рассмотрения дела по существу, но наказание не может быть больше, чем $\frac{2}{3}$ от максимально возможного по этой статье. Особый порядок судебного разбирательства является чрезвычайно популярной практикой, поскольку сильно облегчает работу и следствию, и суду.

В качестве основного инструмента анализа в статье использованы биномиальные регрессии. При анализе влияния предварительного заключения на длительность сроков — линейная регрессия (метод OLS). Этот метод позволяет увидеть направление влияния, оценить сравнительную силу и статистическую значимость различных предикторов. Основным его недостатком является то, что зависимость должна быть относительно линейной и достаточно стабильной на всём протяжении переменной. Зависимости (например, параболическая), которые не могут быть, пусть и с какой-то потерей объяснительной силы, сведены к линейным (как, например, может быть сведена гиперболическая), в таком анализе не видны. Однако с учётом того, что подавляющее большинство предикторов, как и большинство зависимых переменных, дихотомические, проблема нелинейных связей здесь не актуальна. При этом метод регрессионного анализа позволяет увидеть изолированный эффект той или иной переменной «при прочих равных», то есть зафиксировать, как в нашем случае, эффект от предварительного заключения при том же статусе судимости, том же числе подозреваемых по делу и т. д.

При той разновидности анализа, которая использована в нашей статье, необходимо предварительно разрешить важный методический вопрос. Он связан с необходимостью выбора пути анализа. С одной стороны, мы можем строить генеральную модель, анализируя вместе все преступления и все типы преступников. Этот путь позволяет увидеть усреднённый эффект всех основных переменных при прочих равных (такие исследования уже ведутся на российском материале; см.: [Volkov 2014; Skougarevskiy, Volkov 2014]) и увеличить размер анализируемой совокупности. Однако этот путь не даёт возможности учесть тот факт, что разные предикторы играют разную роль в случае разных преступлений, и создаёт большие трудности при интерпретации, поскольку требует введения понятия «среднее преступление». В этом исследовании выбрано альтернативное решение — отдельный анализ нескольких массовых, рутинизированных видов преступлений²¹, соответствующих трём частям статей Уголовного кодекса (статьи состоят из частей; внутри каждой описывается конкретное преступление, за которое предусматривается конкретное наказание; предусмотренные разными частями одной и той же статьи наказания могут сильно варьироваться²²).

Таблица 2

Описательная статистика для дихотомических переменных

Переменные	Вред здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ)			Кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ)			Хранение наркотиков (ч. 1 ст. 228 УК РФ)		
	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)
Зависимые переменные:									
предварительное заключение	526	19,4	1,7	2799	16,6	0,7	791	12,1	1,2
непрекращение дела	518	99,4	0,3	2771	81,7	0,7	791	99,2	0,3

²¹ На первый взгляд имело бы смысл дополнительно представить и генеральную модель, в которой была бы показана общая картина, но в рамках данной статьи это сделать сложно, потому что потребует введения большого количества дополнительных контрольных переменных и разъяснения их смысла (например, наказание зависит от верхней планки наказания по данной статье, от того, считается ли преступление умышленным или неосторожным, не подпадает ли оно под какие-либо специальные ограничения и т. п.). Такой анализ, безусловно, важен, но должен быть предметом отдельного исследования.

²² Так, например, простая кража (ч. 1 ст. 158 УК РФ) предусматривает наказание до двух лет лишения свободы, а максимально отягощённая (ч. 4 ст. 158 УК РФ) — до 10 лет.

Таблица 2. Окончание

Переменные	Вред здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ)			Кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ)			Хранение наркотиков (ч. 1 ст. 228 УК РФ)		
	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)	N (чел.)	Доля (%)	Стандартная ошибка среднего (%)
реальное лишение свободы	528	37,5	2,1	2815	26,1	0,8	795	24,3	1,5
Личные характеристики:									
гендер	527	73,2	1,9	2813	86,5	0,6	794	91,7	1,0
неславянская фамилия	521	3,6	0,8	2766	4,3	0,4	785	6,9	0,9
безработность;	528	25,6	1,9	2815	29,9	0,9	795	24,7	1,5
судимость;	528	22,5	1,8	2815	41,4	0,9	795	28,7	1,6
рецидив;	528	15,2	1,6	2815	24,6	0,8	795	17,2	1,3
дети	502	31,9	2,1	2551	24,1	0,8	756	28,2	1,6
Поведение обвиняемого и потерпевшего:									
примирение сторон	528	18,4	1,7	2815	25,9	0,8	795	6,4	0,9
признание вины	528	97,0	0,7	2815	98,9	0,2	795	98,0	0,5
положительные характеристики	528	58,9	2,1	2815	43,3	0,9	795	65,2	1,7
смягчающие обстоятельства	528	64,0	2,1	2815	62,7	0,9	795	45,5	1,8
гражданский иск	528	30,1	2,0	2815	21,5	0,8	795	0,4	0,2
Характеристики процесса:									
особый порядок	528	71,6	2,0	2815	73,0	0,8	795	85,4	1,3
гендер судьи	528	57,6	2,2	2815	52,0	0,9	795	54,6	1,8
гендер прокурора	481	61,1	2,2	2612	61,6	1,0	715	60,7	1,8
гендер адвоката	510	63,9	2,1	2721	60,8	0,9	763	51,6	1,8

Выдержки из УК РФ: пояснения к таблицам 1, 2, 3

Часть 1 статьи 111 УК РФ: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, — наказывается лишением свободы на срок до восьми лет» [УК РФ]. В год рассматривается около 50 тыс. таких дел. Каждый третий осуждается к лишению свободы.

Часть 2 статьи 158: «Кража [то есть тайное хищение чужого имущества], совершенная: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, — наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужден-

ного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового» [УК РФ]. Российские суды рассматривают более 150 тыс. таких дел в год. Вероятность осуждения к реальному лишению свободы 24,5%.

Часть 1 статьи 228: «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере — наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до трёх месяцев, либо обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трёх лет, либо лишением свободы на тот же срок» [УК РФ]. Более 50 тыс. человек осуждаются по этой статье ежегодно. Каждый пятый приговаривается к реальному лишению свободы.

Таблица 3

Описательная статистика для шкальных переменных

Переменные	Вред здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ)			Кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ)			Хранение наркотиков (ч. 1 ст. 228 УК РФ)		
	N (чел.)	Среднее	Стандартное отклонение	N (чел.)	Среднее	Стандартное отклонение	N (чел.)	Среднее	Стандартное отклонение
Зависимые переменные:									
длительность реального лишения свободы (лет)	198	2,508	0,981	733	1,55	0,604	192	1,43	1,232
Характеристики преступления:									
количество обвиняемых по делу (чел.)	528	1	0,062	2815	1,263	0,571	795	1,019	0,145
количество обвинений по делу (составы преступления)	523	1,034	0,275	2435	1,419	1,499	791	1,114	0,421

При интерпретации обнаруженных закономерностей также использовались качественные данные: более 100 интервью с судьями, следователями, оперативными работниками и адвокатами, собранные в рамках различных проектов Института проблем правоприменения. Основные качественные результаты этих исследований изложены в работах: [Волков 2012b; Волков et al. 2012; Панеях, Титаев, Шклярчук 2014].

Мы вынуждены отойти от традиционного для социологических текстов способа презентации качественных данных: в нашем тексте нет прямого цитирования экспертных интервью. Дело в том, что эксперты-юристы говорят очень часто на узкопрофессиональном языке или даже на профессиональном аргю, поэтому приводимые цитаты потребовали бы подробных комментариев, объясняющих смысл каждого значимого высказывания. Например: «Принятие обоснованного решения в порядке 144-й

145-й невозможно, если нет состава, на основании этого необходимо отказать в возбуждении», — говорит эксперт (следователь). Что это значит? Решение в порядке ст. 144–145 УПК — это решение о возбуждении уголовного дела или решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Для того чтобы решение считалось обоснованным, должна иметься информация, на основании которой следователь может судить о том, имело место преступление или нет. Если получить такую информацию не представляется возможным, то следователь не имеет права принять решение и отказывает в возбуждении, но не на основании ст. 144–145, а в связи с неадекватностью их применения. Это очень важная причина того, почему правоохранительные органы избегают сложных и неочевидных дел. Однако, как видно из приведённого примера, использовать обширные цитаты из экспертных интервью довольно затруднительно в тексте, который посвящён преимущественно анализу статистики.

Результаты

Вероятность предварительного заключения

В этой части будут проанализированы факторы, которые влияют на вероятность заключения под стражу. Как было сказано выше, такое решение преимущественно принимает следователь, так как суды удовлетворяют около 90% подобных ходатайств. Российский УПК даёт следователю всего 48 часов после задержания подозреваемого на то, чтобы принять решение о ходатайстве о заключении под стражу и для того, чтобы собрать все необходимые документы. На практике это время ещё меньше: документы должны быть представлены в суд за 10 часов до истечения этого срока, а работа следователя начинается не сразу после задержания.

На этом этапе следователь, как правило, имеет стандартную персональную информацию о подозреваемом (пол, возраст, брачный и семейный статусы), о его легальном статусе (судимость, рецидив, статья или статьи обвинения, наличие соучастников), о наличии основных смягчающих обстоятельств. Кроме того, следователь с большой степенью точности прогнозирует, признает ли подсудимый вину, сможет ли он собрать положительные характеристики и то, как будет вести себя потерпевший. Все эти факторы играют важную роль в принятии следователем решения о ходатайстве о заключении под стражу. Понятно, что многие из этих параметров могут меняться по ходу следствия или даже судебного разбирательства, но, как показывают данные качественных исследований, происходит это крайне редко. Результаты регрессии для модели, включающей все перечисленные переменные, представлены в таблице 4.

Сравнительно большее количество значимых предикторов для кражи объясняется сравнительно большим объёмом выборки. В общем, работают два ключевых фактора, существенно увеличивающих вероятность предварительного заключения: статус «безработный» (exp (B) от 1,39 (для кражи) до 2,76 (для нанесения телесных повреждений)); факт судимости (но не рецидива) ещё значительно повышает вероятность предварительного заключения для всех преступлений.

Таблица 4

Результаты биномиальной регрессии для зависимой переменной «заключение под стражу до суда»

	Телесные повреждения			Кража			Хранение наркотиков		
	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)
Гендер	0,650	(0,383)	1,915	0,122	(0,191)	1,130	0,332	(0,493)	1,394
Дети	-0,289	(0,307)	0,749	-0,277	(0,142)	0,758	0,390	(0,288)	1,477
Неславянская фамилия	0,650	(0,584)	1,916	0,516	(0,257)	1,675 ^a	-0,062	(0,469)	0,940
Безработный	0,731	(0,277)	2,076 ^b	0,329	(0,121)	1,390 ^b	0,689	(0,273)	1,992 ^a

Таблица 4. Окончание

	Телесные повреждения			Кража			Хранение наркотиков		
	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)
Судимость	1,356	(0,409)	3,881 ^c	1,622	(0,161)	5,065 ^c	1,733	(0,336)	5,658 ^c
Рецидив	0,422	(0,447)	1,525	0,255	(0,139)	1,291	-0,017	(0,349)	0,983
Количество обвиняемых в деле	21,261	(2,4*10 ⁴)	1,7*10 ⁹	-0,205	(0,114)	0,815	1,465	(0,573)	4,328 ^a
Количество обвинений в деле	-0,238	(0,764)	0,788	0,237	(0,040)	1,268	1,134	(0,253)	3,109 ^c
Смягчающие обстоятельства	-0,685	(0,546)	0,504	0,336	(0,245)	1,400	-0,417	(0,408)	0,659
Примирение сторон	0,427	(0,332)	1,533	-0,022	(0,171)	0,979	0,030	(0,508)	1,030
Признание вины	-1,924	(0,643)	0,146 ^b	-1,946	(0,464)	0,143 ^c	-1,030	(0,607)	0,357
Положительные характеристики	-0,363	(0,270)	0,695	-0,252	(0,120)	0,778 ^a	-0,153	(0,272)	0,858
Гражданский иск (Константа)	0,261	(0,282)	1,299	0,539	(0,128)	1,714 ^c	-0,168	(1,452)	0,845
N		494			2417			744	
Nagelkerke R2		0,260			0,249			0,253	

Примечание: S. E. — стандартная ошибка; ^ap < 0,1; ^bp < 0,05; ^cp < 0,01.

Для наркотических преступлений важно количество обвинений (эпизодов) в деле. С нашей точки зрения, это инструментальное разделение судами и следователями реальных наркоторговцев и наркопотребителей, задержанных с дозами, предназначенными для личного потребления.

Признание вины резко снижает вероятность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В интервью следователи утверждают, что на практике заключение под стражу имеет две фактические цели: предотвращение ситуации, в которой подозреваемый скроется, и стимуляция признания вины. Понятно, что, с точки зрения следователя, судимость и отсутствие постоянной работы резко повышают вероятность того, что подозреваемый скроется. Признание же вины (сотрудничество со следствием) часто выступает предметом торга, когда подозреваемому предлагают признать вину в обмен на избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы.

Наличие же гражданского иска в деле о краже (то есть наличие живого и активного потерпевшего) также резко повышает шансы на предварительное заключение. Деклассированные потерпевшие, как правило, не знают о существовании этого правового института и не имеют возможности нанять адвоката, который рассказал бы им о таком механизме.

Роль предварительного заключения в принятии решения о прекращении дела

В этом разделе будет проанализировано влияние факта предварительного заключения на вероятность прекращения дела. Прекращение дела — это юридическая техника, которая представлена во многих правовых системах, однако сильно отличается от страны к стране. Так, в отдельных случаях это решение принимает прокурор, в некоторых — следственный судья и т. д. Однако общий принцип сохраняется: это прекращение уголовного преследования в связи с его нецелесообразностью, в связи с исчезно-

вением основания для такого преследования или же в ситуации, когда обвиняемый понёс достаточное наказание или компенсировал ущерб. В России судья может прекратить уголовное дело, если подсудимый деятельно раскаялся или примирился с потерпевшим. Кроме того, некоторые следователи и судьи говорили в интервью, что прекращение дела работает как псевдооправдание в российском суде. Существует довольно много формальных ограничений, однако на практике важны лишь два: максимальное наказание по данной статье обвинения не может превышать пяти лет (преступления небольшой или средней тяжести), и в деле должна присутствовать реальная жертва, чтобы свидетельствовать о примирении или деятельном раскаянии²³ (что практически уничтожает возможность прекращения дела для преступлений без жертвы, то есть таких, как наркотические). Этим двум условиям в нашей выборке удовлетворяет только кража; нанесение же вреда здоровью — слишком тяжёлое преступление, а в делах о хранении наркотиков нет жертвы. Далее поэтому анализируется только кража.

В этом исследовании мы проконтролировали влияние предварительного заключения на прекращение дела по всем демографическим переменным, которые доступны судье на момент принятия решения (см. табл. 5). Так, мужской пол и наличие судимости резко снижают вероятность прекращения дела. Очевидным образом вероятность прекращения резко увеличивается в том случае, если имело место примирение сторон. Парадоксальным образом наличие детей значимо снижает вероятность прекращения дела. Однако здесь мы не имеем возможности разобрать детально влияние иных (не связанных с предварительным заключением) переменных, поскольку это выходит за рамки нашей статьи.

Таблица 5

**Результаты биномиальной регрессии для зависимой переменной
«прекращение уголовного дела»**

	Кража		
	B	S. E.	Exp (B)
Предварительное заключение	2,439	(0,795)	11,462 ^c
Гендер подсудимого	0,790	(0,266)	2,203 ^c
Дети	0,607	(0,244)	1,836 ^b
Неславянская фамилия	0,184	(0,503)	1,202
Безработный	0,087	(0,220)	1,090
Судимость	2,856	(0,454)	17,392 ^c
Рецидив	16,524	(1290,851)	15 001 673,285
Количество обвиняемых по делу	0,338	(0,183)	1,403
Примирение сторон	- 3,932	(0,213)	0,020 ^c
Признание вины	- 18,475	(6143,054)	0,000
Гражданский иск	18,408	(1409,338)	98 694 648,129
(Константа)	20,085	(6143,055)	528 103 314,008
N		2383	
Nagelkerke R2		0,705	

Примечание: S. E. — стандартная ошибка; ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

²³ Доминирующее толкование ч. 1 ст. 75 УК РФ предполагает возмещение ущерба или заглаживание вреда от преступления как обязательную часть деятельного раскаяния (хотя напрямую из текста упомянутой статьи это не следует). Соответственно заглаживать вред или возместить ущерб в случае большинства «наркотических» преступлений технически невозможно.

Предварительное заключение является вторым (после судимости) по значимости предиктором, который снижает вероятность прекращения дела. Это объясняется тем (здесь мы опираемся на качественные данные), что прекращение дела, по которому подозреваемый был под стражей в суде, рассматривается как небольшой, но значимый «брак» в работе следователя, ходатайствовавшего о заключении под стражу, и судьи, принимавшего это решение. Иначе говоря, подсудимый достаточно «безопасен», чтобы прекратить дело, но недостаточно «безопасен», чтобы дать ему или ей возможность находиться на свободе до суда. К обязательному наказанию судьи или следователя такой сбой не ведёт, но создаёт некоторые служебные проблемы.

Можно, конечно, предположить, что представленные факторы не описывают полностью ту информацию, на основании которой принимается решение, однако качественные данные позволяют отвести эту гипотезу (то же будет касаться и следующих двух разделов этой статьи). Дело в том, что при рассмотрении уголовного дела судья и прокурор владеют очень небольшой информацией о подсудимом (как правило, они впервые видят его в зале суда). Процедура же судебного следствия и особенно предварительного слушания дела (в ходе которого на практике принимается решение о прекращении дела) препятствует ознакомлению суда и прокурора с какой-либо информацией о подсудимом, кроме представленной в уголовном деле (она соответственно включена в нашу модель, за исключением оговорённой недоступной: возраст, образование, место проживания и т. п.). Это предположение подтверждает тот факт, что псевдо- R^2 достигает 0,7, то есть представленные факторы объясняют более 70% вариации зависимой переменной.

Также стоит заметить, что после проверки из представленной модели были исключены ситуации, в которых подсудимый избрал особый порядок судебного разбирательства. Сделка о признании вины в российской практике является институтом, который блокирует переход к прекращению дела. Если формально заявлено разбирательство в особом порядке, то о прекращении дела речи быть не может. Нельзя, конечно, исключать вероятности того, что отсутствие таких дел — это артефакт манеры записи информации в итоговом решении. Возможно, если дело прекращается, то в постановлении о прекращении попросту не фиксируется тот факт, что подсудимый пытался ходатайствовать о рассмотрении его дела в особом порядке.

Таким образом, предварительное заключение — один из двух важнейших предикторов прекращения дела (точнее, того факта, что дело не будет прекращено).

Предварительное заключение и наказание в виде реального лишения свободы

В этом разделе анализируется влияние предварительного заключения на вероятность назначения наказания в виде реального лишения свободы. Как показывают экспертные интервью с судьями и прокурорами, на практике судья выбирает между двумя видами наказания — реальным лишением свободы и всеми прочими видами наказаний. Выбор конкретного вида наказания из не связанных с лишением свободы является более техническим и обусловлен конкретными социально-экономическими характеристиками подсудимого. Так, например, занятость подсудимого сильно влияет на выбор судьи между штрафом и исправительными работами (безработного глупо приговаривать к штрафу). Также и в мировой научной литературе, как правило, анализируется вероятность назначения наказания, связанного с реальным лишением свободы (*incarceration*), как следующего (после решений о виновности или невиновности и о прекращении или непрекращении дела) решения, принимаемого судьёй. Здесь и далее мы исключили прекращённые дела из анализируемой совокупности.

Предложенные предикторы (см. табл. 6) отвечают за 57–64% вариации для разных типов преступлений. Наиболее значимыми факторами, увеличивающими вероятность осуждения к реальному лишению сво-

боды, являются факт предварительного заключения и факт наличия судимости; при этом судимость несколько сильнее повышает вероятность осуждения к реальному лишению свободы. Наиболее велика роль предварительного заключения для нанесения тяжкого вреда здоровью, наименее — для кражи.

Для нанесения тяжкого вреда здоровью важным предиктором получения наказания, не связанного с лишением свободы, также являются примирение сторон и наличие социальных связей (операционализованные через предоставление положительных характеристик). Парадоксальным образом использование особого порядка судебного разбирательства (сделка о признании вины) существенно повышает вероятность получения реального срока.

Таблица 6

**Результаты биномиальной регрессии для зависимой переменной
«наказание в виде реального лишения свободы»**

	Вред здоровью			Кража			Хранение наркотиков		
	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)	B	S. E.	Exp (B)
Предварительное заключение	2,780	(0,447)	16,115 ^c	1,909	(0,161)	6,744 ^c	2,252	(0,414)	9,503 ^c
Гендер	0,508	(0,354)	1,661	0,590	(0,220)	1,804 ^c	-0,503	(0,555)	0,605
Дети	0,021	(0,322)	1,021	-0,253	(0,154)	0,777	-0,212	(0,324)	0,809
Неславянская фамилия	-0,841	(0,785)	0,431	0,779	(0,287)	2,180 ^c	1,346	(0,459)	3,840 ^c
Безработный	0,059	(0,328)	1,060	-0,150	(0,140)	0,861	0,073	(0,322)	1,076
Судимость	2,250	(0,519)	9,491 ^c	2,232	(0,184)	9,316 ^c	2,305	(0,381)	10,019 ^c
Рецидив	1,303	(0,674)	3,682 ^a	0,724	(0,149)	2,064 ^c	1,634	(0,400)	5,125 ^c
Количество обвиняемых в деле	-3,969	(3,201)	0,019	-0,222	(0,127)	0,801 ^a	0,881	(0,792)	2,414
Количество обвинений в деле	1,352	(0,771)	3,863 ^a	0,267	(0,060)	1,306 ^c	2,010	(0,382)	7,462 ^c
Смягчающие обстоятельства	0,400	(1,014)	1,492	1,081	(0,317)	2,949 ^c	-0,363	(0,491)	0,695
Примирение сторон	-0,836	(0,414)	0,433 ^b	-0,592	(0,200)	0,553 ^c	-0,085	(0,518)	0,918
Признание вины	-1,233	(0,941)	0,292	-3,112	(0,701)	0,045 ^c	-1,647	(1,030)	0,193
Положительные характеристики	-1,051	(0,301)	0,350 ^c	-0,675	(0,132)	0,509 ^c	-0,481	(0,298)	0,618
Особый порядок	0,443	(0,320)	1,557 ^b	0,532	(0,150)	1,702	-0,973	(2,108)	0,378
Пол судьи	-0,766	(0,336)	0,465	0,250	(0,182)	1,284	-0,610	(0,410)	0,543
Пол прокурора	0,110	(0,295)	1,116	0,087	(0,130)	1,091	-0,020	(0,288)	0,981
Пол адвоката	0,241	(0,304)	1,273	0,025	(0,135)	1,025	0,464	(0,297)	1,590
Гражданский иск (Константа)	-0,096	(0,303)	0,909	0,050	(0,134)	1,052	-0,086	(0,289)	0,918
	2,332	(3,490)	10,301	-1,562	(0,761)	0,210	-3,165	(1,542)	0,042 ^b
N		426			2144			614	
Nagelkerke R2		0,590			0,566			0,636	

Примечание: S. E. — стандартная ошибка; ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

Для дел о хранении наркотиков, наряду с двумя основными предикторами, роль играют количество обвинений в деле и рецидив преступления. Как уже говорилось выше, в таких делах для судей важно

разделить реального продавца и потребителя, задержанного с крупной дозой для личного потребления. Такие характеристики, как рецидив и общее количество эпизодов (преступлений), позволяют судье операционализировать это различие. Роль неславянской фамилии подсудимого, которая видна в этих делах, заслуживает отдельного исследования.

Количество значимых факторов для краж самое большое, что, безусловно, объясняется объёмом выборки. Наряду с двумя главными факторами, вероятность реального срока увеличивают мужской пол, рецидив и количество обвинений в деле. Парадоксальным образом наличие смягчающих обстоятельств повышает и вероятность осуждения к реальному лишению свободы. Также просматривается влияние неславянской фамилии. Снижают вероятность осуждения к реальному лишению свободы признание вины, положительные характеристики и примирение сторон.

Однако подчеркнём ещё раз: пребывание в СИЗО до суда является одним из двух важнейших предикторов осуждения к реальному лишению свободы. Здесь, как можно предположить, опираясь на качественные данные, срабатывает тот же стереотип, что и в случае с прекращением дела. Подсудимый, достаточно опасный, чтобы находиться за решёткой до суда, не может не оказаться достаточно опасным и для того, чтобы наверняка попасть за решётку и после приговора.

Влияние предварительного заключения на длительность заключения

Данный раздел статьи посвящён вопросу о влиянии предварительного заключения на длительность заключения осуждённых к реальному лишению свободы. Вначале нужно сделать два методологических замечания. Во-первых, данные для нанесения ущерба здоровью и хранения наркотиков приводятся лишь справочно, поскольку корректность регрессионного анализа на выборках такого размера (160 и 155 кейсов соответственно) вызывает большие сомнения. Во-вторых, более корректной была бы кодировка зависимой переменной как логарифма длительности срока, но мы предпочли более легко интерпретируемую модель.

Таблица 7

Результаты линейной регрессии для зависимой переменной «длительность срока реального лишения свободы»

	Вред здоровью		Кража		Хранение наркотиков	
	B	S. E.	B	S. E.	B	S. E.
(Константа)	3,751	0,827	1,466	0,186	2,313	0,636
Предварительное заключение	0,229	0,162	0,001	0,049	0,176	0,162
Гендер	-0,189	0,235	0,103	0,087	-0,403	0,244
Дети	-0,234	0,177	-0,035	0,060	0,062	0,177
Неславянская фамилия	0,067	0,354	0,099	0,099	0,456 ^b	0,220
Безработный	0,035	0,162	0,081	0,052	-0,019	0,162
Судимость	0,764 ^c	0,240	0,180 ^b	0,086	-0,088	0,248
Рецидив	-0,121	0,243	0,203 ^c	0,054	-0,029	0,199
Количество обвиняемых в деле	-0,050	0,708	0,080 ^a	0,044	-0,020	0,379
Количество обвинений в деле	-0,442	0,345	0,007	0,012	-0,055	0,113
Смягчающие обстоятельства	0,016	0,177	-0,044	0,063	0,191	0,163
Примирение сторон	-0,197	0,227	0,217 ^c	0,079	2,090 ^c	0,277
Признание вины	-0,640 ^a	0,377	-0,259 ^a	0,147	-0,157	0,333
Положительные характеристики	-0,102	0,155	-0,023	0,050	-0,102	0,155

Таблица 7. Окончание

	Вред здоровью		Кража		Хранение наркотиков	
	B	S. E.	B	S. E.	B	S. E.
Гражданский иск	-0,141	0,164	0,109 ^b	0,050	-0,427	0,685
Особый порядок	-0,466 ^c	0,172	-0,174 ^c	0,067	-0,658 ^c	0,200
Пол судьи	0,186	0,162	-0,023	0,047	-0,146	0,149
Пол прокурора	-0,136	0,154	-0,030	0,049	-0,141	0,159
Пол адвоката	0,068	0,157	-0,027	0,049	0,094	0,153
N	160		619		155	
Adj. R2	0,162		0,079		0,367	

Примечание: ^a p < 0,1; ^b p < 0,05; ^c p < 0,01.

Как видно из таблицы 7, факт предварительного заключения не оказывает значимого влияния на длительность наказания. Для кражи роль играют судимость и рецидив (плюс два и плюс три месяца соответственно); относительно «сильный» потерпевший (наличие гражданского иска) также увеличивает среднее наказание при прочих равных на полтора месяца. Использование особого порядка снижает наказание в среднем на два месяца. Примирение же сторон парадоксальным образом увеличивает размер наказания на два с половиной месяца. Признание вины, хотя и с низкой значимостью, снижает наказание на три месяца в среднем при прочих равных. При этом речь идёт исключительно об отсутствии значимой линейной зависимости. Безусловно, возможны более сложные формы связи, которые остаются за рамками нашего анализа.

Основные выводы

Предварительное заключение — ключевой фактор при принятии решения о типе наказания. Тенденция сохраняется и при введении всех основных контрольных переменных. Этот факт напоминает ситуацию в США [Freiburger, Hilinski 2010]. Как и в Штатах, в России предварительное заключение оказывает очень большое влияние на решение о назначении наказания в виде реального лишения свободы. Важнее этого фактора только наличие судимости. Выше было показано, что большую роль в этом играет институциональное устройство российской судебной системы, что, однако, не отрицает трёх классических факторов [Williams 2003] — экономического уклона (как доступа к качественной юридической помощи), предубеждённости судьи и эффекта семейной поддержки. При этом мы можем говорить о том, что модель довольно полно описывает общий механизм принятия решения, отвечая более чем за половину вариации зависимой переменной. Если мера пресечения избирается с опорой на экстралегальные факторы в значительной степени, то соответственно затем эти факторы оказывают влияние уже опосредованно на принятие решения о прекращении дела.

В то же время предварительное заключение — очень важный фактор для принятия решения о прекращении дела. Если мы сравним его с влиянием на вердикт в США [Williams 2003], то увидим, что роль предварительного заключения в этих двух случаях неодинакова: в США влияние гораздо слабее и не такое однозначное. Прекращение дела, подсудимый по которому был в СИЗО, создаёт очень большие вопросы к качеству решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В США же вердикт выносится жюри присяжных, которые не включены в судебную корпорацию и не столь сильно зависят от институциональных рамок судебной машины. Учитывая, что приведённый набор факторов объясняет 70% вариации для дел о кражах, мы можем говорить о том, что предварительное заключение оказывается одной из важнейших причин прекращения и (или) прекращения дела в суде.

В России предварительное заключение существенно не влияет на длительность заключения (если говорить о линейной зависимости), в отличие от США [Spohn 2013]. В нашем исследовании на российском материале эта закономерность может быть объяснена недостаточным объёмом выборки для фиксации этого эффекта или же укоренена в российской модели назначения наказания. Российский способ определения срока лишения свободы формально очень свободный (в отличие от США), но реально очень формализован. Судьи хорошо знают средний срок наказания по каждому составу преступления и «принятые» нормы увеличения и (или) снижения в связи со всеми важными легальными и экстралегальными предикторами. Факт нахождения под стражей до суда ни формально, ни неформально в число таких характеристик не входит.

Ключевые факторы, влияющие на вероятность предварительного заключения, — это судимость, безработность и признание вины (кроме дел о хранении наркотиков). Интересно то, что классические социодемографические факторы, такие как пол, детность, псевдоэтничность и т. п., в России (в отличие от Америки [Williams 2003; Spohn 2008; Sacks, Ackerman 2014]) влияния на решения суда не оказывают. При этом приведённые переменные ответственны только за 25% вариации признака «предварительное заключение». Однако мы можем с уверенностью говорить о том, что роль факторов, которые не могут быть сведены к легальным (основная гипотеза исследования), если не решающая, то велика.

Конечно, данная модель не свободна от потери важных объясняющих переменных (*omitted variable bias*) [Mustard 2003]. Однако экспертные интервью и обсуждения результатов работы с практиками этой сферы позволяют говорить о том, что на уровне теоретической литературы и на уровне практической деятельности найти такие переменные не удалось.

Однако остаётся один важный вопрос: можно ли говорить о том, что предварительное заключение — это инструмент непрямого влияния экстралегальных факторов на финальное решение? С одной стороны, да, можно, поскольку на вероятность предварительного заключения в первую очередь влияют безработность и судимость (а не рецидив), предварительное же заключение, в свою очередь, резко снижает вероятность прекращения дела и получения наказания, не связанного с реальным лишением свободы. С другой стороны, нельзя, поскольку в российской правовой системе судья обязан учитывать «личные характеристики подозреваемого», и, таким образом, всякое экстралегальное влияние оказывается легализованным.

Данное исследование, как нам кажется, хорошо иллюстрирует ту своеобразную позицию, в которой находится сейчас эмпирическая социология права. Принципиально новый подход к исследовательской работе и к самой постановке вопросов и в сфере академической, и в сфере практической переносится в поле, от социологических методов анализа принципиально далёкое и где есть собственная мощная традиция «исследовательской» работы, — в поле юриспруденции.

В чём-то это повторяет путь, ранее пройденный экономической социологией. Экспансия социологических объяснительных моделей и данных (изредка — методов) в поле экономики во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. далеко не всегда шла легко. Однако то, что мы наблюдаем ныне, — значительное поглощение экономикой как социологических данных, так и многих объяснительных моделей (но не логики постановки вопроса и не способа рассуждения/построения исследования) — это во многом цель развития социологии права.

Тем не менее принципиальное различие есть: если логика и экономики, и социологии в конечном счёте эмпирическая (то есть если не всякое суждение, то их большинство может быть проверено и опровергнуто с опорой на эмпирические данные таким образом, что это устроит и социологов, и экономистов), то с юриспруденцией всё иначе, поскольку область знания, принципиально отвергающая идею

эмпирического аргумента и сводящая всё к аргументу «от должного», гораздо сильнее сопротивляется любому новому знанию.

Есть, впрочем, и два принципиальных сходства: и на стыке социологии и экономики, и на стыке общественных наук и права фундаментом продвижения становятся (как мы наблюдаем в англо-американском мире) сильные эмпирические исследования, которые во многом ломают привычный взгляд на то, как устроена эта часть реальности. Одновременно (и это вторая общая черта) вход в новое поле потребовал от исследователей (в США в первую очередь) ознакомления с принципиально новой реальностью — экономической (не в смысле науки, но в смысле хозяйства) и правовой. При этом процесс освоения «матчасти» оказал огромное влияние на развитие социологии как таковой: решение новых проблем и столкновение с новыми реалиями принципиально расширили горизонты науки в целом.

Литература

- Волков В. (ред.) 2011. *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования*. Сборник статей. М.: Статут.
- Волков В. (ред.) 2012а. *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. Сборник статей. М.: Статут.
- Волков В. (ред.) 2012б. *Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование*. СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Волков В. et al. 2010. *Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. Анализ статистики* (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП при ЕУ СПб.
- Волков В. et al. 2012. *Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования*. Аналитический доклад. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Масловская Е. 2009. Суд присяжных в современной России: юридический дискурс и социологический анализ. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 4: 244–248.
- Панеях Э. 2011. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде. В сб.: Волков В. (ред.). *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования*. Сборник статей. М.: Статут; 150–177.
- Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. 2014 (готовится к печати). *Траектория уголовного дела: институциональный анализ работы уголовной юстиции*.
- Поздняков М. 2011. *Мониторинг открытости правосудия*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Поздняков М. 2013. *Практическая реализация принципа открытости правосудия в Российской Федерации*. СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Результаты мониторинга официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти -2013 (Рейтинг открытости официальных сайтов ФОИВ-2013)*. СПб.: ФСИ.
- Скугаревский Д. (отв. ред.). 2014 (в печати). *Уголовная юстиция России в 2009 г. Комплексный анализ судебной статистики* СПб.: ИПП ЕУ СПб.

- Соломон П. 2014. Случай исчезающего оправдания: неформальные нормы и практики советской уголовной юстиции. В кн.: Панеях Э. Л. (отв. ред.) *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*. М.: Статут; 456–482.
- Титаев К. 2011. Как суды принимают решения: исследование влияния внеправовых факторов на российские суды. *Экономическая социология*. 12 (4): 122–125. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2011-12-4.html>
- Трошев А. 2012. Как судьи арестовывают и оправдывают: советское наследие в уголовном судопроизводстве. В сб.: *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. Сборник статей. М.: Статут; 18–53.
- УК 1996. *Уголовный кодекс Российской Федерации* от 13.06.1996 № 63-ФЗ. С изменениями и дополнениями на 01.01.2014.
- УПК 2001. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* от 18.12.2001 № 174-ФЗ. С изменениями и дополнениями на 01.01.2014.
- ФЗ-262 2008. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».
- Хун А. 2010. Учёт личности виновного при назначении наказания. *Общество и право*. 5: 94–99.
- Шклярук М. 2014. *Траектория уголовного дела в официальной статистике на примере обобщённой статистики правоохранительных органов* (под ред. К. Титаева, Э. Панеях). Серия «Аналитический обзор по проблемам правоприменения». СПб.: ИПП ЕУ СПб.
- Chiricos T., Bales W. D. 1991. Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*. 29 (4): 701–724.
- Chiricos T., Crawford C. 1995. Race and Imprisonment: A Contextual Assessment of the Evidence. *Ethnicity, Race, and Crime: Perspectives across Time and Place*. 13: 281–309.
- Domingo P., Denney L. 2013. *The Political Economy of Pretrial Detention*. London: ODI.
- Foglesong T., Stone C. 2011. *Prison Exit Samples as a Source for Indicators of Pretrial Detention*. Indicators in Development: Safety and Justice Series, Program in Criminal Justice Policy and Management, Harvard Kennedy School.
- Frazier C., Bishop D. 1985. Pretrial Detention of Juveniles and Its Impact on Case Dispositions. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 76: 1132–1152.
- Freiburger T., Hilinski C. 2010. The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*. 35 (3): 318–334.
- Gazal-Ayal O., Sulitzeanu-Kenan R. 2010. Let My People Go: Ethnic In-Group Bias in Judicial Decisions — Evidence from a Randomized Natural Experiment. *Journal of Empirical Legal Studies*. 7 (3): 403–428.
- Goldkamp J. 1983. Questioning the Practice of Pretrial Detention: Some Empirical Evidence from Philadelphia. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 74 (4): 1556–1588.

- Hafetz J. 2002. Pretrial Detention, Human Rights, and Judicial Reform in Latin America. *Fordham Int'l LJ.* 26: 1754–1777.
- Heckman J. 1979. Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica.* 47 (1): 153–161.
- Holmes M., Daudistel H., Farrell R. 1987. Determinants of Charge Reductions and Final Dispositions in Cases of Burglary and Robbery. *Journal of Research in Crime and Delinquency.* 24 (3): 233–254.
- Humphrey J., Fogarty T. 1987. Race and Plea Bargained Outcomes: A Research Note. *Social Forces.* 66 (1): 176–182.
- Mustard D. 2003. Reexamining Criminal Behavior: The Importance of Omitted Variable Bias. *Review of Economics and Statistics.* 85 (1): 205–211.
- Reitler A., Sullivan C., Frank J. 2013. The Effects of Legal and Extralegal Factors on Detention Decisions in US District Courts. *Justice Quarterly.* 30 (2): 340–368.
- Sacks M., Ackerman A. 2012. Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They cannot Afford Bail They must be Guilty. *Criminal Justice Studies.* 25 (3): 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. 2014. Bail and Sentencing Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review.* 25 (1): 59–77.
- Schönteich M. 2013. The Overuse of Pretrial Detention: Causes and Consequences: Martin Schönteich Examines Arbitrary and Excessive Pretrial Imprisonment. *Criminal Justice Matters.* 92 (1): 18–19.
- Sellin T. 1928. Negro Criminal. A Statistical Note. *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 140: 52–64.
- Skougarevskiy D., Volkov V. 2014 (forthcoming). *Criminal Justice in Russia: Towards a Unified Sentencing Model.*
- Solomon P., Jr. 2002. Putin's Judicial Reform: Making Judges Accountable as well as Independent. *E. Eur. Const. Rev.* 11: 117–118.
- Solomon P., Jr. 2008. Assessing the Courts in Russia: Parameters of Progress under Putin. *Demokratizatsiya.* 16 (1): 63–74.
- Spohn C. 2008. Race, Sex, and Pretrial Detention in Federal Court: Indirect Effects and Cumulative Disadvantage. *U. Kan. L. Rev.* 57: 879–901.
- Spohn C. 2013. The Effects of the Offender's Race, Ethnicity, and Sex on Federal Sentencing Outcomes in the Guidelines Era. *Law & Contemp. Prob.* 76: 75–104.
- Ulmer J. 2012. Recent Developments and New Directions in Sentencing Research. *Justice Quarterly.* 29 (1): 1–40.

- Volkov V. 2014. *Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts*. Working paper IRL-01/2014. The European University at St. Petersburg, The Institute for the Rule of Law.
- Wheeler G., Wheeler C. 1980. Reflections on Legal Representation of the Economically Disadvantaged: Beyond Assembly Line Justice Type of Counsel, Pretrial Detention, and Outcomes in Houston. *Crime & Delinquency*. 26 (3): 319–332.
- Williams M. 2003. The Effect of Pretrial Detention on Imprisonment Decisions. *Criminal Justice Review*. 28 (2): 299–316.

BEYOND THE BORDERS

Kirill Titaev

Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions

TITAEV, Kirill Dmitrievich — MA in Sociology (EU SPb, Helsinki University), Senior Research Fellow at the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. Address: 3A Gagarinskaya str., 191187, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: ktitaev@eu.spb.ru

Abstract

This article is based on the sample of 10 000 decisions of Russian criminal courts and series of expert interviews with judges, investigators, prosecutors and attorneys. In the text, I analyze the probability of pretrial detention and the influence of this decision on the following court behavior. Empirical data is the simple random sample from the decisions published on the websites of Russian district courts (the main level in the system of Russian criminal justice) during 2011. There are two groups of questions in the world scholarly discussion. The first group is bound up with the role of various strongly extralegal (like a gender and a race) and semi-extralegal (like a socioeconomic status and an educational level) characteristics of the defendant in the decision about pretrial detention or release. The second group deals with the effects of pretrial detention on other court decisions (dismissing of the case, the type of punishment and the length of incarceration). These questions are resolved in this article using regression models. The probability of pretrial detention in Russia is statistically significantly higher for unemployed defendants and defendants with informal criminal records. The fact of pretrial detention is closely associated with the probability of case dismissal. The defendants who are detained before trial have less probability of case dismissal. In addition, pretrial detention increases the probability of incarceration as a form of punishment. The linear influence of the pretrial detention on the length of incarceration is not statistically significant.

Key words: sociology of law; sentencing research; empirical legal studies; pretrial detention; criminal justice; court decision.

References

- Chiricos T., Bales W. D. (1991) Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*, vol. 29, no 4, pp. 701–724.
- Chiricos T., Crawford C. (1995) Race and Imprisonment: A Contextual Assessment of the Evidence. *Ethnicity, Race, and Crime: Perspectives across Time and Place*, vol. 13, pp. 281–309.
- Domingo P., Denney L. (2013) *The Political Economy of Pretrial Detention*. London: ODI.
- Foglesong T., Stone C. (2011) *Prison Exit Samples as a Source for Indicators of Pretrial Detention*. Indicators in Development: Safety and Justice Series, Program in Criminal Justice Policy and Management, Harvard Kennedy School.

- Frazier C., Bishop D. (1985) Pretrial Detention of Juveniles and Its Impact on Case Dispositions. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 76, pp. 1132–1152.
- Freiburger T., Hilinski C. (2010) The Impact of Race, Gender, and Age on the Pretrial Decision. *Criminal Justice Review*, vol. 35, no 3, pp. 318–334.
- FZ-262 (2008) *Federal'nyy zakon ot 22 dekabrya 2008 g. № 262-FZ "Ob obespecheniidostupa k informatsii o deyatel'nostisudov v RossiyskoyFederatsii"* [Federal Law of 22 December 2008 No 262-FZ "On Providing an Access to Information about Courts" Work in Russian Federation] (in Russian).
- Gazal-Ayal O., Sulitzeanu-Kenan R. (2010) Let My People Go: Ethnic In-Group Bias in Judicial Decisions—Evidence from a Randomized Natural Experiment. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 7, no 3, pp. 403–428.
- Goldkamp J. (1983) Questioning the Practice of Pretrial Detention: Some Empirical Evidence from Philadelphia. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 74, no 4, pp. 1556–1588.
- Hafetz J. (2002) Pretrial Detention, Human Rights, and Judicial Reform in Latin America. *Fordham Int'l LJ*, vol. 26, pp. 1754–1777.
- Heckman J. (1979) Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica*, vol. 47, no 1, pp. 153–161.
- Holmes M., Daudistel H., Farrell R. (1987) Determinants of Charge Reductions and Final Dispositions in Cases of Burglary and Robbery. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, vol. 24, no 3, pp. 233–254.
- Humphrey J., Fogarty T. (1987) Race and Plea Bargained Outcomes: A Research Note. *Social Forces*, vol. 66, no 1, pp. 176–182.
- Khun A. (2010) Uchet lichnosti vinovnogo pri naznachenii nakazaniya [Taking into Account of Personality of an Offender When Sentencing]. *Obshchestvo i pravo*, no 5, pp. 94–99 (in Russian).
- Maslovskaya E. (2009) Sud prisyazhnykh v sovremennoy Rossii: yuridicheskiy diskurs i sotsiologicheskii analiz [Jury Trial in Contemporary Russia: Law Discourse and Sociological Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no 4, pp. 244–248 (in Russian).
- Mustard D. (2003) Reexamining Criminal Behavior: The Importance of Omitted Variable Bias. *Review of Economics and Statistics*, vol. 85, no 1, pp. 205–211.
- Paneyakh E. (2011) Traektoriya ugolovnoogo dela i obvinitel'nyy uklon v rossiyskom sude [Trajectory of a Criminal Case and Guilty Bias in Russian Court]. *Pravoipravoprimerenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statey* [Law and Law-Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies. Collection of Articles] (ed. V. Volkov), Moscow: Statut, pp. 150–177 (in Russian).
- Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2014) *Traektoriya ugolovnoogo dela: institutsional'nyy analiz raboty ugolovnoy yustitsii*. [Trajectory of a Criminal Case: Institutional Analysis How Criminal Justice Works] (forthcoming) (in Russian).
- Pozdnyakov M. (2011) *Monitoring otkrytosti pravosudiya* [Justice Transparency Monitoring], Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).

- Pozdnyakov M. (2013) *Prakticheskaya realizatsiya printsipa otkrytosti pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii* [The Practical Realization of Justice Transparency Principle], Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).
- Reitler A., Sullivan C., Frank J. (2013) The Effects of Legal and Extralegal Factors on Detention Decisions in US District Courts. *Justice Quarterly*, vol. 30, no 2, pp. 340–368.
- Rezultaty monitoringa ofitsial'nykh saytov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti – 2013 (Reyting otkrytosti ofitsial'nykh saytov FOIV – 2013)* [Results of Monitoring of Federal Executive Authorities' Websites – 2013 (Transparency Rating of Federal Executive Authorities' Official Websites – 2013)], Saint Petersburg: FSI (in Russian).
- Sacks M., Ackerman A. (2012) Pretrial Detention and Guilty Pleas: If They cannot Afford Bail They must be Guilty. *Criminal Justice Studies*, vol. 25, no 3, pp. 265–278.
- Sacks M., Ackerman A. (2014) Bail and Sentencing Does Pretrial Detention Lead to Harsher Punishment? *Criminal Justice Policy Review*, vol. 25, no 1, pp. 59–77.
- Schönteich M. (2013) The Overuse of Pretrial Detention: Causes and Consequences: Martin Schönteich Examines Arbitrary and Excessive Pretrial Imprisonment. *Criminal Justice Matters*, vol. 92, no 1, pp. 18–19.
- Sellin T. (1928) Negro Criminal. A Statistical Note. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 140, pp. 52–64.
- Shklyaruk M. (2014) *Traektoriya ugolovnoy dela v ofitsial'noy statistike na primere obobshchennoy statistiki pravookhranitel'nykh organov* [Trajectory of a Criminal Case in Official Statistics Exemplified by Law-Enforcement Authorities' Aggregate Statistical Data] (eds. K. Titaeva, E. Paneyakh). Seriya “Analiticheskiy obzor po problemam pravoprimereniya” [Series “Analytical Review on Issues of Law-Enforcement”], Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).
- Volkov V., Dmitrieva A., Skougarevskiy D., Titaev K., Chetverikova I., Shesternina Yu. (2014) *Ugolovnaya justitsiya Rossii v 2009 g. Kompleksnyy analiz sudebnoy statistiki* [The Russian Criminal Justice in 2009. The Analysis of the Court Statistics] (ed. D. Skougarevskiy), St. Petersburg: IPP EU SPb (forthcoming) (in Russian).
- Skougarevskiy D., Volkov V. (2014) *Criminal Justice in Russia: Towards a Unified Sentencing Model* (forthcoming).
- Solomon P. (2014) Sluchai ischezayushchego opravdaniya: neformalnye normy i praktiki sovyetskoy ugolovnoy justitsii. [The Case of Vanishing Acquittal: Informal Norms and Practices in the Soviet Criminal Justice]. *Pravo i pravoprimereniye v zerkale socialnykh nauk: khrestomatia sovremennykh tekstov* [Law and Law Enforcement in the Mirror of the Social Science: the Handbook of Contemporary Articles] (ed. by E. Paneyakh), Moscow: Statut, pp. 456–482 (in Russian).
- Solomon P., Jr. (2002) Putin's Judicial Reform: Making Judges Accountable as well as Independent. *E. Eur. Const. Rev.*, vol. 11, pp. 117–118.
- Solomon P., Jr. (2008) Assessing the Courts in Russia: Parameters of Progress under Putin. *Demokratizatsiya*, vol. 16, no 1, pp. 63–74.

- Spohn C. (2008) Race, Sex, and Pretrial Detention in Federal Court: Indirect Effects and Cumulative Disadvantage. *U. Kan. L. Rev.*, vol. 57, pp. 879–901.
- Spohn C. (2013) The Effects of the Offender's Race, Ethnicity, and Sex on Federal Sentencing Outcomes in the Guidelines Era. *Law & Contemp. Prob.*, vol. 76, pp. 75–104.
- Titaev K. (2011) Kak sudy prinyimayut reshenia: issledovanie vliyaniya vnepravovih faktorov na rossiyskie sudi [How Decisions Are Made in Courts: Study of Influence of Extra-legal Factors on the Functioning of Russian Courts]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 12, no 4, pp. 122–125. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2011-12-4.html> (accessed on 13 May 2014) (in Russian).
- Troshev A. (2012) Kak sud'i arestovyvayut i opravdyvayut: sovetskoe nasledie v ugolovnom sudoproizvodstve [How Judges Arrest and Justify: The Soviet Legacy in Criminal Legal Proceedings]. *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava. Sbornik statey* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies in Law. Collection of Articles], Moscow: Statut, pp. 18–53 (in Russian).
- UK (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ. S izmeneniyami i dopolneniyami na 01.01.2014* [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No 63-FZ (with the Amendments and Additions)] (in Russian).
- Ulmer J. (2012) Recent Developments and New Directions in Sentencing Research. *Justice Quarterly*, vol. 29, no 1, pp. 1–40.
- UPK (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ. S izmeneniyami i dopolneniyami na 01.01.2014* [Criminal-Procedural Code of the Russian Federation of 01.01.2014 (with the Amendments and Additions)] (in Russian).
- Volkov V. (2014) *Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts*. Working paper IRL-01/2014. The European University at St. Petersburg, The Institute for the Rule of Law.
- Volkov V. (ed.) (2011) *Pravoipravoprimenenie v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statey* [Law and Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Research. Collection of Articles], Moscow: Statut (in Russian).
- Volkov V. (ed.) (2012a) *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava. Sbornik statey* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies in Law. Collection of Articles], Moscow: Statut (in Russian).
- Volkov V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., Titaev K. (2012) *Rossiyskie sud'i kak professional'naya gruppa: sotsiologicheskoe issledovanie* [Russian Judges as a Professional Group: Sociological Research] (ed. V. Volkov), Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).
- Volkov V., Dmitrieva A., Paneyakh E., Pozdnyakov M., Titaev K., Chetverikova I., Shklyaruk M. (2012) *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovanie, puti reformirovaniya. Analiticheskiy doklad* [Law-Enforcement in Russia: Structure, Functioning and Ways of Reforming. Analytical Report], Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).

- Volkov V., Paneyakh E., Primakov D., Titaev K. (2010) *Obvinitel'nyy ukлон v ugovnom protsesse: faktor prokurora. Analiz statistiki* [Guilty Bias in Criminal Process: A Factor of Prosecutor]. Seriya "Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimereniya" [Series "Analytical Notes on Issues of Law-Enforcement"], Saint Petersburg: IPP EU SPb (in Russian).
- Wheeler G., Wheeler C. (1980) Reflections on Legal Representation of the Economically Disadvantaged: Beyond Assembly Line Justice Type of Counsel, Pretrial Detention, and Outcomes in Houston. *Crime & Delinquency*, vol. 26, no 3, pp. 319–332.
- Williams M. (2003) The Effect of Pretrial Detention on Imprisonment Decisions. *Criminal Justice Review*, vol. 28, no 2, pp. 299–316.